



DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-368-376

EDN: XOQHES

Научная статья / Research article

Стратегия как политическое явление и понятие

В.К. Белозёров 

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация*

✉ vk_belozerov@mail.ru

Аннотация. В современной науке сущность и содержание понятия стратегии (политической стратегии) раскрыты недостаточно, при том что само понятие и производные от него активно циркулируют в теоретическом и политическом дискурсе. Наряду со стратегией широко используются и такие схожие по смыслу понятия, как концепция, доктрина, стратегия, основы государственной политики. Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость установления терминологической ясности в отношении понимания стратегии. В исследовании раскрывается генезис стратегии как практической управленческой деятельности и как науки, показана ее связь с военной сферой социальной действительности. В течение длительного времени развитие стратегии как науки шло в связи с военным делом. Политический компонент в стратегии появился в XIX в., постепенно расширяясь. В интересах обособления политической стратегии от военной, придания ей самостоятельного научного статуса в разное время и разными авторами предпринимались попытки разработки концепций высшей стратегии, большой стратегии, государственной стратегии. В понимании стратегии сложилось два подхода. Сторонники первого сосредоточены преимущественно на целеполагании, второго — на согласовании целеполагания со способами и ресурсами достижения цели. По мнению автора, стратегия в политике означает целенаправленную и долгосрочную программу действий, реализуемую для достижения спроектированного результата. Военная стратегия выступает не только как высший уровень военного искусства, но и как неотъемлемый компонент государственной стратегии. На рубеже 2010-х гг. были предприняты попытки концептуализации политической стратегии, которые не получили дальнейшего развития. Выработка полноценной концепции политической стратегии представляется эвристичной и перспективной в теоретическом и прикладном плане.

Ключевые слова: политическая стратегия, высшая стратегия, государственная стратегия, концептуализация

Для цитирования: Белозёров В.К. Стратегия как политическое явление и понятие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 368–376. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-368-376>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2020-0020).

© Белозёров В.К., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Strategy as a Political Phenomenon and Concept

Vasily K. Belozerov 

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

✉ vk_belozerov@mail.ru

Abstract. Modern science doesn't sufficiently disclose the essence and content of strategy (political strategy), even though the term and its derivatives actively circulate in theoretical and political discourse. This highlights the necessity to establish terminological clarity regarding the understanding of strategy. This article reveals the genesis of strategy as a practical management activity and as a science, as well as shows its connection with the military sphere. For a long time, the development of strategy as a science was closely connected to military affairs. The political component in strategy appeared in the 19th century, and has been gradually expanding. To separate political strategy from military and give it an independent scientific status, various authors have attempted to develop such concepts as higher strategy, grand strategy, and state strategy. Throughout time two approaches to understanding strategy emerged: the first focuses mainly on goal-setting, and the second — on coordinating goals with the ways and resources required to achieve them. According to the author, strategy in politics means a purposeful and long-term action program implemented to achieve a designed result. Military strategy acts not only as the highest level of military art, but also as an integral component of state strategy. At the turn of the 2010s attempts were made to conceptualize political strategy, but they did not find further development. The generation of a full-fledged concept of political strategy seems to be heuristic and promising in both theoretical and practical domains.

Keywords: political strategy, higher strategy, state strategy, conceptualization

For citation: Belozerov, V.K. (2023). Strategy as a political phenomenon and concept. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 368–376. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-368-376>

Acknowledgements: The study was carried out as part of the state task of the Moscow State Linguistic University (subject No. FSFU-2020-0020).

Введение

Слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают как платье.

В.В. Маяковский

Понятие «стратегия» относится к числу закрепившихся в научном и политическом дискурсе. Активно используются и производные словообразования, достаточно назвать «стратегическое управление», «стратегическое планирование», «стратегическая культура», де-факто эти понятия и явления обрели признаки концептуализации и институционализации. Причем понятие «стратегия» по умолчанию считается чем-то само собой разумеющимся, априори данным, заведомо понятным и одновременно содержащим высший сакральный смысл.

Вместе с тем устоявшейся точки зрения относительно того, что такое «стратегия», нет до сих пор. Не способствуют получению ясности и даже

способны дезориентировать с регулярностью появляющиеся в России и за рубежом научные труды, официальные документы государств и международных организаций (не говоря уже о произведениях иного жанра), названия которых содержат слово «стратегия» или производные от него. Сложно выделить порой и отличия между многочисленными документами стратегического планирования России федерального, субъектного и муниципального уровней. Трудно объяснить и их разное обозначение как концепций, доктрин, стратегий, основ государственной политики. Как известно, «теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и называние вещей своими именами» [Шмитт 2007: 144]. Для начала имеет смысл очертить понятие стратегии.

Возникновение стратегии

Известно, что как вид военно-управленческой деятельности стратегия получила свое обозначение во времена Античности (греч. *stratos* — войско, и *ago* — веду). На качественный переход в военном деле от соображений тактического характера к стратегическому мышлению, распространившемуся в V в. до н.э. при Перикле и на политику, а также на негативные последствия для Афин утраты стратегии обратил внимание известный немецкий военный историк Г. Дельбрюк (1848–1929) [Дельбрюк 1999].

Для понимания роли и функций стратега в организации общественно-политической жизни важно учитывать то, что в условиях Афинской демократии, когда политическое устройство общества достигло достаточно высокой ступени развития, должность верховного стратега оставалась единственной выборной государственной должностью [Вебер 1990: 667]. Причем число переизбраний не было ограниченным, стратег в Афинах совмещал в себе функции должностного лица и военачальника. Обладая свободой действий, он должен был отчетливо перед народным собранием о своих действиях. То есть в античной Греции стратегия совмещала в себе и военную, и политическую деятельность.

По прошествии более двух тысячелетий стратегия вернулась к жизни. Введение термина в оборот состоялось благодаря интеллектуальным усилиям прусского военного теоретика Д.Г. Бюлова (1757–1807), что стало революционным достижением. Отечественный военный мыслитель А.А. Свечин полагал Бюлова гениальным и ставил его «выше многих других классиков» стратегии [Стратегия... 2003]. К его заслуге следует отнести несколько идейных достижений при всей их дискуссионности и незавершенности.

1. Отделение в военном искусстве, по критериям времени и пространства, стратегии от тактики. Причем Бюлов дал и видение военных операций, т.е. фактически выделил все три уровня военного искусства.

2. Обоснование возможности одержать победу над противником без боевого столкновения сторон (по мнению Бюлова, за счет маневрирования и особой дислокации войск).

3. Двойное понимание стратегии: а) как практической деятельности, б) как науки. Здесь уместно указать, что и в настоящее время возникают недоразумения

и заблуждения, когда стратегами безо всяких оговорок называют исследователей стратегии¹.

4. Привнесение в военную науку (науку о войне) политического компонента. Характерным представляется следующее утверждение Бюлова: «Знание войны обуславливает знание политики...» [Bülow 1806: 5]. Отстаивая свой подход, он риторически вопрошает: «Военная наука — стратегия и тактика (но отнюдь не искусство парадов и строевой муштры), или наука употребления сил государства для укрепления и защиты общества, во имя общественного блага и чести, как может она не заключать в себе политику?» [Стратегия... 2003: 366].

5. Указание на наличие политической стратегии и необходимость разработки особой науки о ней. Бюлов подчеркивает, что «политическая стратегия... является еще неизвестной наукой; чтобы положить ей начало, я сообщу миру принципы политической стратегии, и не будет недостатка в светильниках, которые поставят их осветить» [Стратегия... 2003: 366]. Он выдвигает серьезные идейные притязания: «...Первым принципом науки... будет следующий: «Политическая стратегия относится к военной так, как последняя относится к тактике, и политическая стратегия является наивысшей». Как военная стратегия регулирует операции одного похода, самое большое — одной войны, так политическая стратегия ориентируется на процветание и существование государства в течение веков и тысячелетий» [Стратегия... 2003: 367]. Настаивая на новизне и оригинальности своего подхода, Бюлов пишет, что его современникам такой «политико-военный взгляд [сour d'oeuil] еще не известен» [Bülow 1806: 160]. Правда, планы теоретического обоснования политической стратегии не были им реализованы.

6. Постановка и решение проблемы выявления связи, соотношения и иерархии различных уровней военно-управленческой деятельности, определение доминирующего статуса политической стратегии. Тем самым фактически был провозглашен примат политики по отношению к военным соображениям, нашедший вскоре свою завершённую форму у Клаузевица, становление которого как политического мыслителя парадоксальным образом происходило на идейном противостоянии с Бюловом.

Причем в определении содержания стратегии как практической деятельности у Афин времен Перикла и у Бюлова обнаруживается общее: охват ею гражданской и военной сфер социальной действительности.

Возникнув и начав утверждаться в Европе последней четверти XVIII в. как самостоятельная наука, военная стратегия стала проникать и в Россию. У героев романа «Война и мир» еще до разразившейся «грозы двенадцатого года» стратегия вызывает живой интерес именно как недавно возникшая наука².

¹ См., например: Стратег Минобороны Австрии Райснер: Россия побеждает в Донбассе за счет трех тактик. URL: <https://ria.ru/20220604/donbass-1793071871.html> (дата обращения: 26.03.2023).

² «...Ну, рассказывай... как вас немцы с Бонапартом сражаться по вашей новой науке, стратегией называемой, научили» (Толстой Л.Н. Война и мир. I и II тома. М.: Худож. лит., 1983. С. 162). «Вместо наступательной, глубоко обдуманной, по законам новой науки — стратегии, войны... единственная, почти недостижимая цель, представлявшаяся теперь Кутузову, состояла в том, чтобы, не погубив армии, подобно Маку под Ульмом, соединиться с войсками, шедшими из России» (Там же. С. 224). (Курсив наш — В.Б.)

В дальнейшем развитие стратегии как науки в течение длительного времени шло именно по «военному» пути. При подготовке трудов с одноименным названием речь шла именно о военной стратегии. Тем не менее и в определении содержания военной стратегии ясность в трудах указанного периода отсутствовала. Европейские авторы в течение длительного времени уклонялись от содержательного наполнения стратегии. А.А. Свечин объяснил сложившееся положение дел беспрекословным авторитетом автора книги «О войне», обратив внимание на то, что «...самое слово „стратег“, которое Клаузевиц применял по адресу лиц, злоупотреблявших терминологией, получило в его устах обидное значение, близкое к понятию шарлатана. Ближайшие за Клаузевицем поколения писателей даже опасались ставить слово „стратегия“ в заглавиях своих трудов» [Свечин 1935: 220].

Движение к высшей стратегии

Дореволюционная Россия является примером того, как интересы целостного осмысления военной действительности требовали политического анализа, которое должно было обеспечить высокий уровень обобщения. Уже в 1819 г. генерал И.Г. Бурцов (1794–1829), констатируя младенческое состояние военной теории, отметил, что «все политические науки, действующие на безопасность народную, как сопредельные военным, а, с другой стороны, все нравственные, подающие правила владеть человеческим сердцем, должны войти в состав общей, пространной теории, управляющей действиями истинных полководцев» [Русская... 1960: 49].

Российские последователи Клаузевица полагали неполноценным исследование войны, если оно эмансипируется от политики. Барон Н.В. Медем (1798–1870), как первый профессор стратегии созданной в 1832 г. военной академии, при разработке курса стратегии исходил из необходимости ее осмысления именно с точки зрения политических соображений, обоснованно полагая, что «война предполагает вообще какую-либо политическую цель. Искусство устремлять наивыгоднейшим образом все военные средства к достижению этой цели составляют предмет *стратегии*» [Русская... 1960: 86]. Н.В. Медем считал целесообразным и эвристичным условное противопоставление стратегии как искусства — стратегии как науке. Он очень точно охарактеризовал закономерность появления стратегии как системы научных знаний: «Стратегия в сущности своей, как искусство, существовала во все времена, когда была война. Как наука она явилась только тогда, когда стратегические соображения приобрели значительную важность в действиях войны и сделались более сложными и трудными» [Русская... 1960: 99].

В дальнейшем в России утвердилась точка зрения, что именно стратегия представляет собой систему знаний, позволяющую достичь высшего уровня обобщения военной действительности. Известный военный теоретик генерал Г.А. Леер (1829–1904) обосновывал именно такой статус стратегии, поскольку она «есть синтезис, интеграция всего военного дела, его обобщение,

его философия» [Русская... 1960: 307]. Отсюда он полагал стратегию «наукой всех военных наук», философией военного дела. Правда, если исходить из подзаголовка труда Леера «Стратегия» («Тактика театра военных действий»), то можно заключить, что его видение стратегии имело пространственное ограничение.

Примером радикализации взглядов Г.А. Леера является позиция Н.А. Корфа (1866–1924). Свой труд, вышедший в 1897 г., он посвятил обоснованию Стратегии (с заглавной буквы) как новой науки, высшей по отношению ко всем прочим, в том числе к философии и военной политике [Корф 2012].

В итоге объективно на повестку дня встал вопрос о вычленении особой части стратегии. Причем еще П.А. Языков (1800–1869) декларировал существование «высшей части стратегии», которая включала не только действия войск, но и всего народа [Русская... 1960: 152]. Введение в России в оборот понятия «высшая стратегия» и его обоснование состоялись в преддверии Первой мировой войны. Фактически речь шла о целенаправленном и долгосрочном политическом курсе, ориентированном на национальные интересы. Военная же сила рассматривалась как необходимый, но не единственный инструмент политики. Подобным образом наиболее прозорливые представители офицерского корпуса России, предостерегая от вступления в ненужную ей войну и оценивая политический курс страны, отстаивали необходимость придания ему самостоятельности и целеустремленности, избавления от конъюнктуры, сиюминутных соображений и внешних манипуляций.

В 1913 г. В.Я. Новицкий (1885–1939) предпринимает попытку теоретически проработать высшую стратегию, задача которой состоит «в обеспечении самостоятельного существования и дальнейшего развития государства, в соответствии с его политическими, экономическими, историческими и культурными интересами» [Новицкий 1913: 1]. Интересы высшей стратегии, по мнению Новицкого, требовали и искусного обращения с военной силой.

В тот же год вышла работа А.Е. Вандама (1867–1933) «Величайшее из искусств (Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии)» [Вандам 2002]. По Вандаму, высшая стратегия страны имела геополитическую детерминацию, для нее требовалась коалиция сухопутных держав (России, Германии и Франции), ориентированная против «утонченного деспотизма» англосаксов.

Идеи высшей стратегии России обнаруживаются и у других мыслителей того времени. К сожалению, восприняты они не были, призывы о разработке долгосрочного политического курса и следовании ему были проигнорированы, Российская империя перестала существовать.

Политизация стратегии

В последующий период концептуализация стратегии как понятия и деятельности в рассматриваемом контексте развивалась в направлении наполнения ее политическими смыслами.

Отечественные мыслители уже вскоре после окончания Гражданской войны пришли к пониманию того, что неправомерно ограничивать стратегию только рамками вооруженной борьбы. Так, А.Е. Снесарев обратил внимание А.А. Свечина, автора книги «Стратегия» (вышла в 1926 г.), на то, что затишья в противоборстве сторон между военными операциями не происходит, поскольку «стратегия работает не мечом, а другими средствами, хотя бы и чужими — агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т.п.» [Свечин: 2003: 631].

Постепенно стало утверждаться понимание стратегии как целостного и одновременно сложного, многокомпонентного феномена. После Второй мировой войны английский исследователь Б. Лиддел-Гарт стал характеризовать государственную политику как высшую (большую) стратегию, которая задает направленность и процессам подготовки и применения военной силы. Он признавал всю сложность проблемы охвата и понимания большой стратегии, поскольку она связана и с решением вопросов послевоенного устройства, и поэтому «в отличие от стратегии сущность большой стратегии большей частью является *terra incognita* и нуждается в дальнейшем изучении и развитии» [Лиддел-Гарт 1999: 369].

Постепенно начало утверждаться понимание стратегии именно как политического феномена. В России недавно состоялось оформление относительно самостоятельного сегмента государственной политики в сфере стратегического планирования³, развиваются теоретические и методологические основы этой политики [Назаров 2022]. Прилагаются интеллектуальные усилия в сфере стратегического планирования внешнеполитической деятельности России [Мешков 2019].

Состоявшийся синтез стратегии и политики обуславливает выяснение их соотношения. Думается, что использование слова «стратегия» представляет собой декларацию намерения реагировать на развитие внутренних и международных процессов и отражает запрос общества, его элиты и государственного руководства на целеустремленный, долгосрочный, устойчивый, последовательный и прогнозируемый политический курс.

Разработка и реализация такого курса требуют следования проектному подходу, что предполагает конструирование удаленного будущего, причем достаточно предметное. Отсюда можно утверждать, что *стратегия в политике означает целенаправленную и долгосрочную программу действий, реализуемую для достижения спроектированного результата*. В подтверждение приведенной позиции и прикладного значения наличия детализованного образа будущего, выступающего как путеводная звезда для развернутой программы действий, приведем мнение А.А. Свечина, согласно которому стратегия есть «определение результата, которого надо добиться. ...Если управлять — это

³ Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (дата обращения 26.03.2023).

значит предвидеть, то в стратегии управлять означает предвидеть далеко вперед» [Стратегия... 2003: 19, 25]. Причем среди теоретиков стратегии прошлого и настоящего есть сторонники радикальной позиции, для которых цель (заданный результат) играет абсолютную, довлеющую роль по отношению к ее достижению, вплоть до игнорирования имеющихся средств и ресурсов и их создания. К таким авторам следует отнести и прусского философа войны: «Создание средств, которыми ведется война, не интересует Клаузевица. Внутреннюю политику Клаузевиц ощущает в основном лишь как неизбежный накладной расход» [Свечин 1935: 258].

В настоящее время распространено, прежде всего на Западе, и другое, сбалансированное понимание стратегии. Так, по мнению английского исследователя Л. Фридмана, стратегия — это «наука о поддержании баланса между целями, способами и средствами; наука об определении целей, а также о ресурсах и методах для ее достижения» [Фридман 2018: 9]. С ним солидарны и другие авторы [Raschke, Tils 2013; Stupka 2008]. Оценивая такой подход, уместно высказать сомнение и поставить вопрос: чем же тогда стратегия в этом случае отличается, например, от менеджмента и логистики, которые также требуют согласования усилий во времени и в пространстве, соотношения целей и средств?

Относительно недавно стали появляться исследования, посвященные осмыслению государственной стратегии [Kovač, Marček 2013]. В этом случае конструктив подхода Л. Фридмана заключается в том, что в рамках государственной стратегии среди согласующихся между собой средств и ресурсов политики естественным образом предусмотрено место и для военной силы. При таком понимании военная стратегия выступает не только в качестве высшего уровня военного искусства, но и в качестве неотъемлемого компонента государственной стратегии. Причем, как признает Л. Фридман, «концепция стратегии „использования всех доступных средств для достижения цели“ возникла сравнительно недавно, но уже широко распространилась в военных кругах» [Фридман 2018: 681]. И тому можно обнаружить немало подтверждений. Между тем бесконтрольное распространение такого подхода способно привести при определенных условиях к отказу от примата политики над военной сферой и к утверждению идеологии и практики милитаризма со всеми вытекающими последствиями.

Концептуализация же собственно политической стратегии в развернутом виде еще не состоялась. Серьезную заявку на ее формирование сделали на рубеже 2010-х гг. немецкие политологи [Raschke, Tils 2010; 2013]. В России в те же годы лишь было заявлено о наличии проблемы политической стратегии как философской [Политические стратегии... 2011]. Других попыток сосредоточения на теоретическом осмыслении политической стратегии и выработке ее дефиниции обнаружить не удалось.

В завершение следует отметить, что использование в политическом и научном дискурсе слова «стратегия» призвано указывать на долгосрочную и целеустремленную, организованную деятельность. Выработка же полноценной и развернутой концепции политической стратегии

представляется эвристичной и перспективной в теоретическом и прикладном плане. Отечественное научное сообщество обладает потенциалом, чтобы проявить себя на этом поприще.

Поступила в редакцию / Received: 20.02.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 25.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2022

Библиографический список

- Вандам (Едрихин) А.Е.* Геополитика и геостратегия. Жуковский — Москва: Кучково поле, 2002.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. СПб.: Наука; Ювента, 1999. Т. 1.
- Корф Н.А.* Общее введение в стратегию: этюды по философии военных наук. Изд. 2-е, репр. М.: URSS, 2012.
- Лиддел-Гарт Б.* Стратегия не прямых действий. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.
- Мешков А.Ю.* Стратегическое планирование внешнеполитической деятельности Российской Федерации в интеграционных процессах. М.: Проспект, 2019.
- Назаров В.П.* Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования. М.: Кнорус, 2022.
- Новицкий В.Я.* Высшая стратегия. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1913.
- Политические стратегии российского государства как философская проблема: коллективная монография / отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2011.
- Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Воениздат, 1960.
- Свечин А.А.* Клаузевиц. М.: Журнально-газетное объединение, 1935.
- Свечин А.А.* Стратегия. М.: Кучково поле, 2003.
- Стратегия в трудах военных классиков. М.: Издательский дом «Финансовый контроль», 2003.
- Фридман Л.* Стратегия. Война, революция, бизнес. М.: Кучково поле, 2018.
- Шмитт К.* Теория партизана: промежуточное замечание к понятию политического. М.: Праксис, 2007.
- Bülow A.H.D.* Der Feldzug von 1805 militärisch-politisch betrachtet, von dem Verfasser des Geistes des neuern Kriegssystems und des Feldzugs von 1800. Erster Theil, 1806.
- Kovač M., Marček J.* Konzept und methodische Aspekte der Formulierung und Umsetzung der staatlichen Strategie // Österreichische militärische Zeitschrift. 2013. № 1. S. 34–47.
- Raschke J., Tils R.* (Hrsg.). Strategie in der Politikwissenschaft. Konturen eines neuen Forschungsfelds. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften | Springer Fachmedien, 2010.
- Raschke J., Tils R.* Politische Strategie. Eine Grundlegung. 2. Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften | Springer Fachmedien, 2013.
- Stupka A.W.* Strategie denken. Wien: AV+Astoria Druckzentrum GmbH, 2008.

Сведения об авторе:

Белозёров Василий Клавдиевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Московский государственный лингвистический университет; ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (e-mail: vk_belozerov@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4875-5878)